

«Чёрные девы»: психология чеченских террористок-смертниц

Терроризм ныне модная тема, один из её аспектов — изучение мотивов, которыми руководствуются террористы-самоубийцы.

Умереть достойно — не трудно, трудно достойно жить.
Витторио Де Сика

Вступать в войну с терроризмом, не зная его природу, корни, значит обречь себя на поражение. Корни эти разнообразны: они в политике, экономике, общественных отношениях, религии. И в психологии. Станным, но закономерным оказалось, что у террористической войны в России часто бывает женское лицо, лицо чеченки — несчастной жертвы обстоятельств, навсегда потерявшей в жизни чёткие ориентиры, перспективы, родственников и мирное небо над родиной.

Женщины, чеченские террористки, которым западно-европейская пресса дала название «чёрные вдовы», — явление уникальное. Да и в Чечне самоубийство всегда считалось и сейчас считается большим грехом. Самоубийца недостоин там хорошей памяти и почитания, не только он сам, а и вся его семья на многие десятилетия. Чеченец всегда и во всём должен быть Победителем. Такова важнейшая особенность вайнахского (чечено-ингушского) этноса. А самоубийца — это не победитель. Слово "«шахид» не чеченское — арабское. Оно переводится как «свидетель» и означает приверженца высокой задаче — служению Богу, то есть джихаду.

Джихад — это не обязательно «священная война», это — священное усилие. Например, строительство дома на высокой горе — джихад. Или написание трактата на сложнейшую тему — тоже. Это, конечно, и военное усилие в борьбе с иноверцами и, тем более, с вероотступниками от «истинного» Ислама.

Замечено, что парадоксом оказывается то, что мусульмане Северного Кавказа, в том числе чеченцы и ингуши, принадлежат к суфийским орденам, а суфизм в правоверном Исламе считается ересью.

На телеэкранах и на газетных фотографиях чеченские террористки — женщины с закрытым лицом. Но горская женщина никогда не закрывает лицо. Иначе она не увидит тропу, камень, склон... Как спуститься к реке, поймать козу, подоить корову?

На женщину-самоубийцу чеченцы смотрят косо. Женщины, вступившие на путь войны, в Чечне называются «джеро», что означает вдова (даже если она и не вдова). Быть «джеро» предосудительно. Потому что женщина должна заниматься женским делом, а не воевать. Если она вступила в мужской коллектив, пусть даже мстя за родственников, будучи последней в роду, она уже не благопристойная женщина. Не только все террористки, но и снайперши называются «джеро». Они — культурно чуждое для Северного Кавказа явление. Шахидки в России — изобретение современных ваххабитских политехнологов. Почему они выбрали женщин? Потому что им, женщинам, до последнего времени легче было пройти куда угодно. Благодаря российскому менталитету, утверждавшему уважение к женщине, которой всегда стараются помочь. Их реже, чем мужчин, останавливала милиция...

Так называемые чеченские войны конца XX — начала XXI веков создали неблагоприятные изменения психологического состояния чеченского этноса. Причинами стали:

- 1) Многолетнее чувство беспомощности перед несчастьями, мучительно охватившими всех чеченцев. Благополучное завершение военного положения жителям Чечни много лет обещали и их сепаратисты, и российские власти, и боевики, и экстремальные исламисты («ваххабиты»). Но обстановка в этом регионе становилась всё хуже — обстрелы, убийства, похищения, казни создают ощущение безысходности.
- 2) Многочисленные «зачистки» с преследованием, главным образом, чеченцев-мужчин, вынуждали их

скрываться, оставляя своих женщин и детей и теряя самосознание воина-победителя, мужчины. Из-за этого нарушалось равновесие патриархально-матриархальных взаимодействий, свойственных горским народам, а потому возник жестокий гендерный кризис. Он стал причиной противоестественного «всплывания» женщин на роли патриархов-мужчин. Так возникали и «шахидки» — феминизированные «боевые патриархи».

3) Из-за последней войны сейчас в Чечне тысячи людей стали изгоями в чеченском обществе. Для него они «низкие люди» и живут очень трудно: им не помогут, не предоставят работу, не дадут пищи. Это люди, у которых в семье произошло что-то позорное, например, кого-то изнасиловали. Или, например, была «зачистка», или ваххабитский налёт на чеченский дом, а бывший в нём мужчина повёл себя недостойно — спрятался или убежал, и кто-то оказался убит. Эта семья, а не только один человек, становятся в чеченском обществе изгоями. Таких изгоев, как свидетельствует профессор Джебраил Гакаев, сегодня в Чечне десятки тысяч. Эти люди тоже могут быть резервом и для боевых отрядов, и для формирования «шахидов» и «шахидок».

4) Важной причиной деформирования чеченского социума стало разрушение ещё в 1993 году в Чечне системы среднего и высшего образований, до того весьма совершенных и успешных. Сотни тысяч молодых людей лишились приобщения к европейской культуре. Попытки арабизации и исламизации обучения вели к утрате традиционной горской культуры чеченцев. Молодёжь, воспитываясь войной, становилась сырьём для боевого «ваххабизма» и «шахидизма».

Чеченские психологи и психиатры свидетельствуют, что около 90% чеченцев находятся в особом состоянии. (Возможно, что эта цифра преувеличена.) Нами предложено называть его «**чеченской депрессией**». Из чего складывается это психическое состояние?

Во-первых, это **отчаяние** от многолетней безысходности чеченских войн.

Второе — это **чувство горя**, ведь в каждой семье — несколько убитых, а ещё хуже — есть непохороненные, то есть неупокоенные души. По убеждениям чеченцев, душа непохороненного мучается неприкаянно, и это для всей семьи очень плохо.

Третье — **тоска**. Не абстрактная «душевная боль», а тоска как физическая боль во всём теле после тяжёлой работы с непривычки, только во много раз большая... Мы проводили экспериментальные исследования этого состояния. Если человек «в чеченской тоске», то и его дом становится источником боли — там что-то украдено, кто-то убит. Чеченец выходит за пределы дома, у него земля «горит» под ногами, причём не образно: ему кажется, что на самом деле она жжёт ноги, потому что он видел, как горели дома, сараи, посева. И это незабываемо. Небо давит сверху, ведь оттуда падали снаряды, бомбы, ракеты. Это чувство знают практически все чеченцы. Вырваться из этого чувства, уйти от психологической боли-тоски хотят многие. И когда им предлагают месть как выход из этого состояния, уход в боевики, в «шахиды» — это им кажется спасением. Внутреннее состояние принявших решение стать мстителями-самоубийцами не имеет ничего общего с так называемым зомбированием.

Состояние «шахидок» — **предсмертный транс**, характеризуется, во-первых, чувством приятнейшего экстаза, необычайной радости жизни. Если рассуждать с психоаналитической точки зрения, то их человеческое «Я» освобождается от давления «Сверх-Я». Все составляющие его психологические силы: традиции, социальные и моральные нормы, обязательства перед семьёй, даже перед самим собой становятся уже малозначимыми, ничтожными. И человек вдруг раскрывается в своём природном, личном естестве как цветок, пусть и некрасивый, но это он — такой, какой уж есть. Такой мститель-убийца знает, что у него будущего нет, и поэтому он никому ничего не должен. Не нужно искать задачу для самореализации — она уже есть: это мщение. Когда смертница-«шахидка» идёт по улице, ещё за день, за два до теракта, ей приятно, что это она сама лично идёт, а не та, кого всю жизнь родители, семья, общественное мнение загоняли в нормы горских обычаев.

В романе Ф. М. Достоевского «Идиот» есть рассказ приговорённого к смерти. Он описывает последние его минуты, секунды, какие они были яркие, радостные. В 1849 году Фёдор Михайлович сам был приговорён к смертной казни, в последний момент заменённой каторгой. Его описания предсмертного состояния автобиографично-подлинны. Мы цитируем их в полном объёме, предлагая читателю самостоятельно проанализировать сложнейшую нюансировку предсмертных мыслей и чувств.

«Этот человек был раз взведён, вместе с другими, на эшафот, и ему прочитан был приговор смертной казни расстрелянием, за политическое преступление. Минут через двадцать прочтено было и помилование и назначена другая степень наказания; но, однако же, в промежутке между двумя приговорами, двадцать минут,

или по крайней мере четверть часа, он прожил под несомненным убеждением, что через несколько минут он вдруг умрёт. Мне ужасно хотелось слушать, когда он иногда припоминал свои тогдашние впечатления, и я несколько раз начинал его вновь расспрашивать. Он помнил всё с необыкновенною ясностью и говорил, что никогда ничего из этих минут не забудет. Шагах в двадцати от эшафота, около которого стоял народ и солдаты, были врыты три столба, так как преступников было несколько человек. Трёх первых повели к столбам, привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей; затем против каждого столба выстроилась команда из нескольких человек-солдат. Мой знакомый стоял восьмым по очереди, стало быть, ему приходилось идти к столбам в третью очередь. Священник обошёл всех с крестом. Выходило, что остаётся жить минут пять, не больше. Он говорил, что эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством; ему казалось, что в эти пять минут он проживёт столько жизней, что ещё сейчас нечего и думать о последнем мгновении, так что он ещё распоряжения разные сделал: рассчитал время, чтобы проститься с товарищами, на это положил минуты две, потом две минуты ещё положил, чтобы подумать в последний раз про себя, а потом, чтобы в последний раз кругом поглядеть. Он очень хорошо помнил, что сделал именно эти три распоряжения и именно так рассчитал. Он умирал двадцати семи лет, здоровый и сильный; прощаясь с товарищами, он помнил, что одному из них задал довольно посторонний вопрос и даже очень заинтересовался ответом. Потом, когда он простился с товарищами, настали те две минуты, которые он отсчитал, чтобы думать про себя; он знал заранее, о чём он будет думать: ему всё хотелось представить себе, как можно скорее и ярче, что вот как же это так: он теперь есть и живёт, а через три минуты будет уже нечто, кто-то или что-то, — так кто же? Где же? Всё это он думал в эти две минуты решить! Невдалеке была церковь, и вершина собора с позолоченною крышей сверкала на ярком солнце. Он помнил, что ужасно упорно смотрел на эту крышу и на лучи, от неё сверкавшие; оторваться не мог от лучей: ему казалось, что эти лучи его новая природа, что он чрез три минуты как-нибудь сольётся с ними... Неизвестность и отвращение от этого нового, которое будет и сейчас наступит, были ужасны; но он говорит, что ничего не было для него в это время тяжелее, как непрерывная мысль: «Что, если бы не умирать! Что, если бы воротить жизнь, — какая бесконечность! И всё это было бы моё! Я бы тогда каждую минуту в целый век обратил, ничего бы не потерял, каждую бы минуту счётом отсчитывал, уж ничего бы даром не истратил!» Он говорил, что эта мысль у него, наконец, в такую злобу переродилась, что ему уж хотелось, чтобы его поскорей застрелили».

Вторая особенность предсмертного транса «шахидки» в том, что для террористки-смертницы **всё вокруг становится необычайно ярким**. Краски, детали предметов — всё выпукло, приятно и красиво. Чем ближе смерть, тем ярче мир. И никакой «чеченской депрессии». И время (минуты, секунды) становится необычайно ёмким. В него вмещаются и становятся очень сочными и значимыми все мелкие случайности и предметы окружающего пространства. Возможно, течение времени изменяется, измеряясь психикой более мелкими, но более значимыми «квантами». Остановить смертницу уже невозможно. Ей даже нельзя сказать, как обычному человеку: что ты делаешь, сохрани свою жизнь. Зачем ей она?

Третье, что свойственно чеченским и другим «шахидам» — **упоение властью**. Вот ходят вокруг беспечные люди, а они — во власти человека, обречённого на смерть и готового взорвать себя и их. И «шахидка» может даже с неким радостным переживанием дарить им ещё и ещё часы, минуты, секунды.

Четвертое — **упоение мезтью** за убитых, замученных родственников и соплеменников, за разорённые дома, родовые гнезда, за несправедливость и бесчеловечность.

И ещё, пятое — уже ласкающая **вера в блаженство** упоения в райских куцах Аллаха.

Наконец есть и **шестое**, но о нем ниже.

Человек в предсмертном трансе может не нуждаться в наркотиках, стимуляторах, он и так эйфоризирован. Наркотики на Северном Кавказе не были и сейчас не являются элементом массовой культуры, опять же из-за суровой опасности гор. Наркотики в горах — это гибель. Однако в Центральной Азии и на Ближнем Востоке во время суфийских ритуалов с древнейших времен, ещё до Пророка Мухаммеда, применяли и в мирное время и перед боями сложнейшие смеси трав и минералов для создания изменённого сознания. При подготовке шахидов использовались вещества, концентрирующие внимание на внушённом задании. Есть и суфийские тренинги, один из них — «зикр». Его многократно показывали на экранах телевизоров, особенно часто в «первую чеченскую войну». Мужские и женские хороводы, когда чеченцы кружатся с выкриками цитат из Корана — это своеобразная молитва суфийского ордена кадыритов, которых много не только на Кавказе, но и в Боснии и Герцеговине. Известно, что подобного рода техники использовали во французском иностранном легионе и немецких зондеркомандах для введения в состояние «боевого транса».

Когда говорят о трансе как о гипнотическом состоянии, то «кастрируют» действительность. Транс — сложное

изменённое состояние сознания. В нём происходит трансформация личности — человек становится как бы другим. На Северный Кавказ мистические тренинги и психотропные «коктейли» приходят с Ближнего Востока, где суфийская традиция жива и не прерывалась никогда.

Как готовят «шахидок» в России? В маленькой квартирке в городе Грозном или в неприметном домике в ингушском селе, или даже в неприметной московской, Санкт-Петербургской квартирах размещают женщин, потерявших родных, жертв «чеченской депрессии». С ними работают хорошие психологи, которые выясняют, чего им не хватало в детстве. Если они были обделены вниманием матери, к ним в качестве «наставницы» приставляют женщину — пожилую, властную, якобы добрую. Тем, которым не хватает сексуальной реализации, дают в «наставники» мужчину, который одновременно является их сожителем и учителем. Этот «наставник» сопровождает их на протяжении всего времени обучения, да и во время совершения теракта находится поблизости. Женщины идут на смерть, и чтобы ему доставить удовольствие. Это ещё одно — шестое — **сексуальное переживание** во время предсмертного транса «шахидок».

Можно ли убедить террористов не совершать теракт? На этот вопрос следует ответить утвердительно. В последнее время, в начале XXI века, произошла палестинизация чеченских боевиков, к чему приложили руку и некоторые структуры российской администрации, и иностранные инструкторы боевиков. Но кавказская молодёжь, которая пополняет ряды террористов, — не все религиозные фанатики. Их детство, отрочество пришлось на времена, когда ещё помнились нормы межнационального общения, хотя и «советского», но единства народов. Молодые люди ещё ощущают культурную связь с Россией, с ними можно и нужно разговаривать. Не случайно несостоявшаяся «шахидка» Зарема Мужахоева так и не совершила ни одного теракта. Сначала на Северном Кавказе она два часа просидела в автобусе и так и не привела в действие взрыватель. Потом с сумкой взрывчатки гуляла по Москве и, наконец, сдалась властям. Да и затем активно сотрудничала со спецслужбами, выдала им тайники со взрывчаткой, помогла задержать боевиков, предотвратила другие теракты.

Почему ей вынесли такой жестокий приговор? С неё надо было бы пылинки сдуть, чтобы другие «шахидки» поняли, что у них есть шанс на нормальную жизнь, и не торопились на тот свет. Неадекватные действия власти лишний раз убеждают их в том, что сотрудничать с российскими спецслужбами нельзя, рассчитывать на гражданское общество в лице суда присяжных не приходится, им остается одно - убивать.

Определить «шахидку» в толпе чрезвычайно трудно, потому что её реакции обострены до предела. Интеллект «шахидки» направлен на одно: совершить заданное действие, не сбиться с заданного алгоритма. Других людей она воспринимает как чуждых ей существ, судьбами которых она владеет. Идя на теракт, она уже не думает о том, кто прав, кто виноват.

Предсмертный транс — это своего рода мания. Что такое мания, если отбросить моральные ярлыки? Это устремлённость во что-то одно, с игнорированием всего, что этому мешает. Даже глупый человек в маниакальном состоянии так концентрирует остатки своего ума, что делает подчас необычайно умные дела. А если он умный и маниакальный, то становится гением — добрым или злым. Терроризм смертников — это концентрированность мысли и воли на чрезвычайной цели — нести Смерть.

Леонид Александрович Китаев-Смык

"Интеллигент"

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ТЕРРОРИЗМ, РОССИЯ 👁 11527 30.10.2005, 15:10 ↗ 240

URL: <https://babr24.com/?ADE=25501> Bytes: 16926 / 16752 [Версия для печати](#)

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)